

СПЕЦИФИКА ПРЕЛОМЛЕНИЯ ГОТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В РОМАНЕ В. ОРЛОВА «АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ»

© Трушкина Алёна Петровна (2021), ORCID: 0000-0003-4882-364X, SPIN-код: 3964-6935, магистрант кафедры русской и зарубежной литературы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (Российская Федерация, 430000, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68/1), trualena1998@mail.ru

В статье рассматривается рецепция литературной готики в романе Владимира Орлова «Альтист Данилов». Текст произведения представляет собой некий синтез, в котором одновременно сосуществуют черты научной фантастики, фэнтези и готической литературы. Установлено, что автор романа предлагает собственную интерпретацию художественных особенностей «страшной» прозы. Включить произведение Орлова в ряд отечественных готических текстов позволяет, в первую очередь, образ главного героя – демона. Прозаик, учитывая «классические» версии демонических персонажей (М. Булгаков, И.В. Гёте, О. Уайльд, Р.Л. Стивенсон), переосмысливает образ «демона на договоре»: призванный совершать зло, наделенный inferнальной силой, обладая сверхъестественными способностями, он не применяет их в человеческом мире. Более того, после заключения сделки с Канцелярией Того Света он не теряет собственную душу, а приобретает её, что способствует в конечном итоге окончательному превращению демона в человека. Однако если главный герой не соответствует классическому образу демона-злодея, то другие персонажи – яркое воплощение мирового зла.

На то, что роман «Альтист Данилов» восходит к традициям «страшной» прозы, указывают и ключевые мотивы: смерть, двойничество, сделка с дьяволом, связь демона с земной женщиной, превращение, двоимирие. Но Орлов обогащает традиционные сюжеты новаторскими элементами.

Прозаик подвергает трансформации и традиционные готические топосы. Так, пещера, внешне обладающая всеми признаками готического пространства, является приютом для одинокого странника и не несет в себе опасности. Городские топосы (квартира, театр), в свою очередь, представляют собой места сосредоточения преступлений, они оказывают на героев сильное психологическое давление. Также Орлов, следуя традиции неоготики, изображает многоквартирный дом как средневековый готический замок.

Ключевые слова: В. Орлов, готический роман, образ демона, хронотоп, фэнтези.

Готическая традиция, зародившаяся на Западе благодаря публикации «Замка Отранто» Г. Уолпола в 1764 г., а к XIX столетию обретшая устойчивые черты, как известно, продолжает развиваться и отчасти трансформироваться в культуре современной. По мнению Т. Уортона, в «страшной» прозе «настолько сильны черты ужасного, таинственного и очаровательного, настолько необычны и сказочны описания, что они в значительной степени помогают пробудить всю мощь воображения, заполнить вашу душу величественными и тревожащими образами, духовное наслаждение от которых можно найти только в поэзии» [Напцок 2008, 54]. Средневековые истории искушений человека дьяволом, мистические легенды и рассказы о призраках и вампирах привели к созданию полноценного жанра, цель которого – вызвать чувство страха у читателя, погрузить его в атмосферу беспомощности и одиночества.

В русской литературе, как блестяще показал В.Э. Вацуру [Вацуру 2002, 12], обращение к готике спорадически начинается еще в конце XVIII века, тогда как постепенное ее формирование связано с прозой Н. Гоголя, А. Погорельского, В. Одоевского, отчасти Ф. Достоевского. «Русская готика» продолжает активно развиваться и в настоящее время в творчестве Ю. Мамлеева, Л. Петрушевской, А. Иванова, М. Юденич, А. Старобинец и других авторов, причем теперь прозаики сочетают устойчивые признаки готического романа с элементами научной фантастики, фэнтези, детектива, дополняют и расширяют его границы приёмами жанрового синтеза.

В этом отношении наиболее примечателен роман Владимира Орлова «Альтист Данилов». Исследователи до сих пор не могут прийти к единому мнению по поводу его жанровой специфики. Одни учёные утверждают, что текст следует отнести к фэнтези, на что указывают наличие двух планов (реального и фантастического), магии, пронизывающей роман, и образ главного героя [Сафрон 2017]; другие ставят его в один ряд с произведениями научной фантастики (цивилизация Девяти Слоёв, орудия-ракеты, браслет «Земля – Небо», являющийся аллюзией на машину времени) [Гаджиев 2009]; третьи называют «Альтиста...» ярким образцом «магического реализма», в котором «соотношение реального и чудесного уже не столько обусловлено вниманием фольклорно-сказочных мотивов <...>, сколько общей, самодостаточной картиной «вымороченной» демонической действительности, самой порождающей необычные и фантастические образы» [Кислицын 2011, 74]. На наш взгляд, в

«Альтисте...» со всей очевидностью можно выделить особенности и готической прозы.

В первую очередь, на связь романа с традицией литературы ужасов указывает образ главного героя. Музыкант Владимир Данилов – демон, образ которого, правда, не однозначен. Прозаик предлагает свою интерпретацию традиционного демона-злодея. Уже из завязки становится ясно, что персонаж, с одной стороны, обычный советский интеллигент; а с другой – «демон на договоре» [Орлов 2017, 68], посланный «Канцелярией Того Света» [Орлов 2017, 24] на Землю, чтобы причинять людям вред. На первый взгляд, Данилов является классическим готическим злодеем-двойником, внутри которого происходит постоянная борьба Добра со Злом. Однако автор трансформирует традиционный мотив двойничества, в результате чего во внутреннем мире героя победу одерживает Добро. И если в Девяти Слоях, где проходили детство и юность Данилова, он ведёт себя как типичный представитель Того Света, то на земле происходит его так называемое «очеловечивание». В некоторых ситуациях Владимир ведёт себя как настоящий добропорядочный советский гражданин: «Данилов вел полуслепую старушку через улицу возле метро "Щербаковская"» [Орлов 2017, 410].

Отметим, что альтист обладает сверхъестественными способностями (купание в молниях, превращения в разных существ, полёты), что безусловно, роднит его с классическим образом демона, но среди людей Данилов старается не применять их. Более того, он находит способ ограничения своей силы, надевая специальный серебряный браслет «Небо – Земля», позволяющий ему контролировать своё состояние.

Однако, несмотря на существенные отклонения от канонического образа злодея, Данилова можно считать персонажем сугубо готическим, поскольку с ним связаны классические сюжетобразующие мотивы литературной готики. С образом традиционного демона персонажа Орлова роднит история его появления на свет. Писатель в полной мере воссоздаёт миф о связи земной женщины с демоном, соблазнившим её. Другой готический сюжет, относящийся к «вечным» в мировой литературе, связанный с образом альтиста, – сделка с дьяволом. Однако писатель представляет его в переосмысленном виде. Традиционно сюжет сделки с дьяволом делят на три структурных компонента: клятва отдать душу за что-либо; следующие за клятвой исполнения желаний; неизбежная потеря души.

У Орлова Данилов не отдаёт свою душу; получает свои блага только будучи человеком; в финале истории персонаж не теряет душу, а, напротив, приобретает её. Подчеркнём, что автор, описывая процесс заключения договора, сохраняет традиционный готический антураж: «Между ним и Канцелярией от Порядка был заключен договор. Начальник канцелярии поставил свою подпись желтыми несгораемыми чернилами, Данилов по закону расписался кровью из вертикальной голубой вены» [Орлов 2017, 24].

И если в изображении главного персонажа-демона Орлов максимально отступает от классического канона, то второстепенные герои представлены им наиболее приближенно к традиции. Таковым является Кармадон, лучший друг Владимира Данилова. Эгоистичный, бездушный, расчётливый, обладающий яркой внешностью, его смело можно поставить в один ряд с готическими злодеями. Отметим, что, описывая внешность Кармадона, Орлов делает акцент именно на его взгляде, ведь, как известно, это ключевая портретная деталь злодея в «страшной» прозе: «Глаза у Кармадона стали злые и зелёные» [Орлов 2017, 186]. Или: «Но страшнее всего был взгляд Кармадона. Надменный, огненный, мертвящий» [Орлов 2017, 198]. На протяжении нескольких веков приятель Данилова выполнял свою миссию – причинял вред разным цивилизациям, например, путал сновидения «волопасов» [Орлов 2017, 198]. Всё это время он считал себя асом, стремился стать «супердемоном». Однако желание обладать избранницей друга становится его главной ошибкой. Кстати говоря, любовная линия в романе, а точнее, любовный треугольник (Кармадон – Наташа – Владимир) соответствует классической готической формуле: злодей – жертва – защитник. Кармадон решается на необратимый поступок, вызывая Данилова на дуэль, после которой он теряет свои заслуги, титулы и уважение родственников. «Я одинок», – говорит он во время последней встречи своему старому приятелю. Злодей оказывается загнанным в угол как в переносном, так и в прямом смысле. Теперь обитель Кармадона не безграничное космическое пространство, а погреб. Здесь Орлов, следуя традиции готической литературы, отождествляет топос с сущностью его обителя. Однако и в образе Кармадона писатель отступает от средневекового канона, вставая в один ряд с Метьюрином, Бэкфордом и Г. Леру, представляя отрицательного персонажа не отвратительным существом, а таинственной личностью, – злодей начинает вселять не страх, а глубокую печаль.

Примечателен образ демонической женщины Анастасии: «...роскошная и отважная, прямо кавалерист-девица, схожая с Даниловым судьбой, однако удачливее его, предстала, засмеялась от удовольствия, <...> крепкими полными руками обняла его [Данилова] и прижалась к нему, робея. Данилов хотел было отстранить от себя Анастасию, но, взглянув в её счастливые и верные оранжевые глаза, ощутив ее сладкое, жаркое тело, понял, что не прогонит Анастасию, да и глупо было бы делать это...» [Орлов 2017, 34]. В. Орлов продолжает традицию поздних готических произведений, использующих мотив сексуальной притягательности демона. В этом отношении также очевидна связь романа «Альтист Данилов» с новеллой «Кармила» Ш. ле Фаню. Но вновь персонаж не является полноценным злодеем. Несомненно, Анастасия мстительна и жестока, после предательства Данилова она грозит ему расправой, однако во время роковой дуэли именно демоническая женщина спасает Владимиру жизнь. «Ракета Кармадона совсем уж было разнесла в клочья сущность Данилова и его оболочку, но караулившая поблизости Анастасия бросилась Данилову на помощь, голыми руками, не боясь ожогов, гибельную для Данилова массу вещества сгребла в кучу, остатки ее до микрочастиц выгнала из Данилова, превратила всю эту массу в полную свою противоположность и сделала черной дырой» [Орлов 2017, 202].

Близок к классическому готическому демону домовый Валентин Сергеевич. Автор опускает портретную характеристику этого персонажа, он обращает внимание только на особенность его речи: «...[он] откидывал, голову назад и произносил пронзительно: "Це! Це! Це! Це!" В звуках этих действительно было удивление, но имелось и еще нечто, что пугало или по крайней мере настораживало» [Орлов 2017, 10]. Кстати говоря, подобная черта персонажа из иной реальности была подмечена ещё А. Толстым в повести «Упырь», сделавшим акцент на том, что героев-вампиров отличает характерное «щёлканье» языком. Функция Валентина Сергеевича – повсюду следовать за Даниловым и создавать ему неприятности. Именно он украл у музыканта альт Альбани. На первый взгляд кажется, что Валентин Сергеевич подобен чёрту из славянской мифологии, об этом свидетельствуют его кривляния и глупые поступки: «И тут из-за кирпичного угла Марьинских бань высунулась радостная и мерзкая рожа честолюбивого шахматиста Валентина Сергеевича <...> высунулась, показала Данилову красный язык и исчезла» [Орлов 2017, 58

68]. Однако в финале повествования выясняется, что домовый – начальник Канцелярии Того Света, от его решения зависела жизнь Владимира Данилова.

С персонажами-демонами связан традиционный для готики мотив превращения. Так, Кармадон путешествует по миру в образе Большого Синего Быка; Данилов ради друга превращается в быка Василия; Валентин Сергеевич регулярно меняет ипостаси, то превращаясь в необычных существ, то принимая облик других людей. Оговоримся, что принцип превращений роднит роман и с жанром фэнтези.

В тексте художественное пространство представляет собой двоемирие: фантастический и реальный планы. Причём готические топосы органично вписываются в оба плана.

Например, пещера, куда часто прилетает Владимир Данилов, сохраняет в себе черты готического антуража: «В пещере было темно, сыро, пахло пометом летучих мышей...» [Орлов 2017, 32–33]. Однако она не является местом сосредоточения преступлений и грехов, каковым представляется пространство «страшной» прозы. Персонаж выбирает её в качестве места отдыха от городской суеты. Единственное, что сближает пещеру с топосом литературы ужасов, – то, что в ней происходит встреча героя с мистическими существами: в пещеру к Владимиру приходят кот Бастер, жрица Химеко и демоническая женщина Анастасия.

Важно отметить, что отец главного героя живёт в пещере. И вновь здесь пространство не место реализации зла, а «приют вольного поселенца» [Орлов 2017, 449]. Однако обитель старика-демона обладает одной яркой особенностью, которая позволяет считать её готическим топосом, – неизмеримостью. Сначала персонаж заходит в пещеру, где находятся всего два камня, но стоило старцу взмахнуть «руками-крыльями» [Орлов 2017, 449], как крохотное пространство превратилось в роскошный мраморный зал: «...где хоть сотню гладиаторов своди в бою...» [Орлов 2017, 449]. Подчеркнём, что в этом эпизоде пещера является аллюзией на «нехорошую квартирку» [Булгаков 2014, 80] из романа «Мастер и Маргарита», а сама сцена – на великий бал у сатаны. Подобной характеристикой обладает и дом № 67, из которого альтист Данилов переместился в Тот Свет для вынесения приговора. Здесь Орлов продолжает традицию мистической прозы XX века, интерпретируя городской

топос, в данном случае многоквартирный дом, как средневековый замок.

Также отметим вышеназванный топос погребя, где состоялся финальный разговор Данилова с Кармадоном. «В руке у него оказалась тонкая свеча, бледный, нервный свет её освещал узкую лестницу со смелыми изломами, такие лестницы устраивали в крепостных башнях... <...> Погребок был ранней готики, причем скромной, деревенской...» [Орлов 2017, 409]. В небольшой сцене автор в полной мере воссоздал атмосферу готических романов XVIII столетия. Здесь справедливо упомянуть английского писателя Монтегю Саммерса, который вывел символику «страшной» прозы. Он выделил замок, пещеру, летучих мышей, свечу и т.п., что наблюдается в приведённом фрагменте. Однако здесь не происходит ничего преступного – мы вновь отмечаем отступление В. Орлова от классического канона.

Особого внимания заслуживает сцена. Любопытно, что автор наделяет её, внешне ничем не похожую на топосы готики, ключевой особенностью пространства готического романа: она является сюжетообразующим элементом и отражением психологического состояния главного героя. «Данилов вышел в тишину <...> Здесь же он был словно замкнут в себе, он сам себя не слышал...» [Орлов 2017, 282]. Таким образом, сцена оказывается средоточием душевных переживаний, разочарований и неуверенности персонажа.

Любопытна интерпретация Преисподней, которую автор называет миром Девяти Слоёв. Разумеется, что Девять Слоёв – аллюзия на 9 кругов Ада у Данте, однако Орлов снижает отрицательную коннотацию (например, «Седьмой Слой назывался Слоем Удовольствий») [Орлов 2017, 158]), трансформируя традиционное пространство Того Света в некий научный институт.

В своём произведении автор обращается к одному из основных мотивов литературной готики – мотиву смерти. И если большинство создателей мистической прозы XX века играют с этим мотивом: у Мамлеева героини всячески иронизируют над своей кончиной и даже используют смерть в качестве метода познания бытия, или у Петрушевской персонажи воспринимают смерть как бытовое явление, ничем не примечательное, то Орлов показывает страх смерти, приближающейся бездны, покинутости и предельного одиночества. Балансирующий на грани безумия, измученный внутренним разладом и преследуемый кошмарами, приятель Данилова по консерватории

Миша Коренев заканчивает жизнь самоубийством. После этого страх смерти окутывает Владимира. «Он думал о том, что и ему самому очень скоро может наступить конец. Прежде он обманывал себя или размышлял трезвые мысли о будущем сладкой беспечностью надежд. Теперь, над гробом Миши Коренева, обманы рассеивались» [Орлов 2017, 58]. Страх смерти начинает преследовать героя с момента получения повестки от Канцелярии Того Света. Во время суда Владимир находится в шаге от смерти, но человечность, приобретённая им во время жизни на земле, спасает его: священный Большой Синий Бык, которого Данилов избавил от мучений, почесав спину, предлагает заменить смертную казнь на пожизненное наказание. Однако оно только усилило страх героя перед смертью. «Над Даниловым возникла люстра. <...> Она висела на металлической цепи, цепь скрипела, вздрагивала, Данилов понимал, что люстра может вот-вот сорваться <...> Сидя же на стуле с ремнями, он чувствовал, что люстра не только захватила его, но и растворяет его в себе» [Орлов 2017, 422].

Роману «Альтист Данилов», как любому образцу готической прозы, присуща атмосфера напряженности. Это создаётся благодаря загадочному времени «Ч» (кстати говоря, выражение заимствовано Орловым из военной терминологии), на протяжении всего повествования герой не знает, когда оно наступит и что в итоге произойдёт. Не лишен текст и характерного для готики ореола таинственности, который воплощается в обществе «хлопобудов». Однако если в классических текстах финал истории даёт ответы на все вопросы, то у Орлова деятельность «хлопобудов» так и остаётся загадкой.

Таким образом, роман В. Орлова «Альтист Данилов» – сложный и многогранный текст, включающий в себя несколько литературных традиций. Наряду с фэнтези и научной фантастикой, в произведении бытуют особенности готической литературы: наличие героев-демонов, мотив смерти, мотив сделки с дьяволом, атмосфера таинственности и напряженности, топосы Преисподней, пещеры, квартиры, сцены. Фактически В. Орлов предлагает собственную интерпретацию традиционной для готической прозы темы сделки с дьяволом и библейской темы «падшего ангела», изгнанного и небес, а также весьма специфически трактует образ демона как один из ключевых образов готической прозы.

Источники

Орлов 2017 – Орлов В. *Альтист Данилов*. М., 2017.

Булгаков 2014 – Булгаков М.А. *Мастер и Маргарита*. М., 2014.

Литература

Вацуро 2002 – Вацуро В.Э. *Готический роман в России*. М., 2002.

Гаджиев 2009 – Гаджиев А.А. *Метаморфозы демонической канцелярии (фантасмагории А. Кима и В. Орлова)* // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2009. Т. 63. № 1–2. С. 162–168.

Кислицын 2011 – Кислицын К.Н. *Магический реализм* // Знание, понимание, умение. 2011. № 1. С. 274–277.

Напцок 2008 – Напцок Б.Р. *Английский «готический» роман: к вопросу об истории и поэтике жанра* // Вестник Адыгейского государственного университета. 2008. № 10. С. 52–58.

Сафрон 2017 – Сафрон Е.А. *Жанровое своеобразие романа В. Орлова «Альтист Данилов»* // Вестник Воронежского государственного университета. 2017. № 1. С. 57–62.

PARTICULAR ASPECTS OF REFLECTION OF THE GOTHIC TRADITION IN THE V. ORLOV'S NOVEL *ALTIST DANILOV*

© **Trushkina Alena Petrovna** (2021), ORCID: 0000-0003-4882-364X, SPIN-code: 3964-6935, Master student of the Department of Russian and foreign literature, National Research Ogarev Mordovia State University (68/1, Bol'shevistskaya street, city of Saransk, The Republic of Mordovia, 430000, Russia), trualena1998@mail.ru

The article examines the reception of literary Gothic in the novel by Vladimir Orlov *Altist Danilov*. The text is a kind of synthesis in which features of science fiction, fantasy, and gothic literature coexist at the same time. The author offers his interpretation of the artistic features of the "horror" prose. Orlov's work could be considered as a representative of Russian Gothic texts, first of all, because of the image of the main character – a demon. The prose writer, taking into account the "classic" versions of demonic characters (M. Bulgakov, I.V. Goethe, O. Wilde, R.L. Stevenson), rethinks the image of a "demon with a contract", who seeks to do evil, is endowed with infernal power, possesses supernatural abilities, but does not apply them in the human world. Moreover, after making a deal with the Netherworld Chancery, he does not lose his own soul, but gains it, which ultimately contributes to the final transformation of the demon into a human. However, if the main character does not correspond to the classic image of a demon-villain, then other characters are a vivid embodiment of world evil.

The fact that the novel *Altist Danilov* is a representative of "horror" prose is also indicated by the key motives: death, duality, a deal with the devil, the connection of a demon with an earthly woman, transformation, duality. But Orlov again enriches traditional plots with innovative elements.

The writer also transforms traditional Gothic toposes. So, the cave, outwardly possessing all the signs of a Gothic space, is a haven for a lonely wanderer and does not pose any danger. Urban toposes (apartment, theater), in turn, are places of concentration of crimes, they exert strong psychological pressure on the heroes. Orlov, following the neo-gothic tradition, also depicts an apartment building as a medieval Gothic castle.

Keywords: V. Orlov, gothic novel, image of a demon, chronotope, fantasy.

References

(Articles from Scientific Journals)

Кислицын 2011 – Kislitsyn K.N. *Magicheskiy realizm* [Magic realism]. *Znaniye, ponimaniye, umeniye*, 2011, no. 1, pp. 2742–77. (In Russian).

Гаджиев 2009 – Gadzhiyev A.A. *Metamorfozy demonicheskoy kantselyarii* (fantasmagorii A. Kima i V. Orlova) [Metamorphoses of the demonic office (phantasmagorias by A. Kim and V. Orlov)]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki*, 2009, t. 63, no. 1–2, pp. 162–168. (In Russian).

Напцок 2008 – Napsok B.R. *Angliyskiy "goticheskiy" roman: k voprosu ob istorii i poetike zhanra* [English "gothic" novel: on the history and poetics of the genre]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 10, pp. 52–58. (In Russian).

Сафрон 2017 – Safron E.A. *Zhanrovoye svoyeobraziye romana V. Orlova "Altist Danilov"* [Genre originality of the novel by V. Orlov *Altist Danilov*]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 1, pp. 57–62. (In Russian).

(Monographs)

Вацуро 2002 – Vatsuro V.E. *Goticheskiy roman v Rossii* [Gothic novel in Russia]. Moscow, 2002. (In Russian).

Поступила в редакцию 1.05.2021